

Ярослав Яньчак

Политические культуры и интеграционное поведение. Случаи западных соседей России

Введение

Одна из дефиниций международной интеграции определяет ее как *закрепляющуюся тенденцию государств к объединению в более крупные региональные или субрегиональные группировки (...)*. Она может происходить с разной интенсивностью, охватывать различные секторы международной жизни государств или иных субъектов международных отношений¹. Необходимыми факторами являются интересы государств, укрепленные или обеспеченные в результате интеграции. Ее следствием является избирательность с объектной и субъектной точек зрения². Однако множество вариантов интеграционного поведения и стратегий, рассматриваемых из перспективы России, может вызывать определенные сомнения. Это в особенности касается государств, являющихся ее непосредственными западными соседями. Зона, отделявшая во время холодной войны СССР от Западной Европы, избрала после 1989 года прозападное направление. Финляндия уже в 1995 г. стала членом Европейского Союза. Следующие государства региона сделают это в 2004 г. Однако их мотивации и

¹ T. Łoś-Nowak, hasło: *integracja międzynarodowa* // A. Antoszewski, R. Herbut (red.), *Leksykon Politologii*, Wrocław 1996, s. 128-129.

² W. Morawiecki, hasło: *integracja międzynarodowa* // A. Klafkowski (red.) *Encyklopedia prawa międzynarodowego i stosunków międzynarodowych*, Warszawa 1976, s. 100.

вытекающие из последних стратегии бывают различными в случаях отдельных государств. Это рождает ряд вопросов, касающихся причин такого положения. От чего же зависит усиление интеграционных процессов в случае соседствующих с Россией государств? Почему отдельные государства соглашаются интенсифицировать сотрудничество, опасаясь его в иных сферах? Насколько интересы государств вызывают развитие интеграции? Является ли избирательность результатом перцепции интересов или возникает по другим причинам? Из представленной группы проблем можно выделить фундаментальный вопрос: зависят элементы интеграционных процессов от факторов изменчивого, конъюнктурного характера, таких, как экономические интересы, международные союзы, внешняя политика и т. п., или они детерминированы факторами, имеющими более глубокие корни, постоянными и в течение долгого времени неизменными?

Тезисом дальнейших размышлений будет утверждение о роли политической культуры в восприятии интеграционных процессов как об одном из важнейших их детерминантов. Это она, кроме сиюминутных политических и экономических интересов, определяет прежнее и нынешнее поведение стран в процессе европейской интеграции.

1. Политическая культура

Согласно Сиднею Верби, политическая культура состоит из системы эмпирических верований, ярких символов и ценностей, определяющих ситуацию, в которой происходит политическое действие. Таким образом, она придает политике субъективную ориентацию³.

³ *Ibidem*, s. 513.

Тейя Тииликайнен различает три политические культуры в Европе⁴. Они имеют свои корни в Реформации, которая разделила европейскую политическую культуру на три части, связанные с кальвинизмом, лютеранством и движением контрреформации. Первая политическая культура может быть определена как индивидуалистическая, вторая – как государственническая, а третья – как культура христианской общины⁵.

Кальвинистская политическая культура делала упор на превосходство светской власти над религиозной, на которой, однако, первая должна быть основана. Теория сопротивления, предусматривавшая возможность непослушания правителю, творящему зло и тем самым утратившему Божью легитимность своей власти, а также необходимость контроля над его действиями, стояла у истоков конституционализма. Политическая культура, опиравшаяся на кальвинизм, была положена в основу либерального государства. Оно стало гарантом индивидуальных прав купцов и нарождающейся буржуазии в Англии и Нидерландах. Согласно взглядам Джона Локка и Томаса Гоббса, индивидуумы отказываются от части своих прав, создавая государство с целью защиты собственности, свободы и жизни.

Лютеранское подчинение церкви светской власти означало утрату значения христианской (т. е. европейской) общины в пользу индивидуума и светских коллективов. Проявлением веры стала поддержка земной светской власти, противопоставлявшейся католической церкви и внутренним социальным и политическим группам. Требование послушания даже негодному правителю вело к теории непротивления и подготавливало почву под будущее развитие абсолютизма.

⁴ Она упускает в своем анализе политическую культуру православных государств. Таким образом, по данной классификации это была бы четвертая политическая культура.

⁵ T. Tiilikainen, *Europe and Finland. Defining the Political Identity of Finland in Western Europe*, Aldershot: Hants 1998.

Лютеранская культура создала абсолютистское, а затем и националистическое государство. По Гегелю, государство стало источником собственной легитимности. Объединение Германии в 1871 г. укрепило это чувство и конституировало суверенность в качестве атрибута стоящего над обществом государства, а не его автономных частей.

Политическая теория, сформированная **контрреформацией**, характеризовалась признанием двойной, параллельной власти, светской и духовной, что означало шаг к секуляризации и зарождению конституционализма. Убеждение в общественной природе индивидуума создавало место для христианского коллективизма, существовавшего наряду с государственными организациями.

Контрреформационная культура с помощью освобождающего политику от религии просвещения создала республиканское государство. В течение ряда республиканских революций в XVIII и XIX вв. гражданственность и участие в политической жизни стали рамками, охватившими сущность человеческой природы. Свобода, в отличие от либеральной культуры, в которой она была равнозначна свободе от государства, означала свободу политического участия.

2. Влияние политической культуры на интеграционное поведение

Три европейские политические культуры значительно повлияли на формирование трех концепций объединения Европы⁶. Государства, принадлежащие к отдельным группам, характеризуются различным подходом ко многим интеграционным вопросам, что приводит к различным ожиданиям и трудностям в достижении компромисса. Они вытекают не только из различных экономических и политических интересов, которые данные государства пытаются реализовать, но также из различий, связанных с исторической принадлежностью к одной из культур. Это, в свою очередь, приводит к

⁶ *Ibidem*, p. 55-81.

различному восприятию роли государственного организма, возможности строительства надгосударственной структуры и сферы ее компетенции⁷.

Основанная на контрреформации **католическая** концепция европейской интеграции создала, в частности, модель республиканского федерализма, опирающегося на христианский социализм Просвещения и антипросвещенческую христианскую демократию. Вольтер рассматривал федеральную Европу как выражение ее политического господства, Руссо предлагал создать европейский парламент из представителей всех стран, а Сен-Симон – федеративное правительство, гарантирующее мир и социальное единство, как это делала в средневековье католическая церковь. Прудон предлагал федерацию на уровне коммун, а Бриан – идею федерации, ведущую к разоружению.

Кальвинистская же традиция предлагала объединение посредством концептов внешнего и либерального государственного суверенитета. Отношения между свободными и равными государствами должны быть, таким образом, подобны отношениям между индивидуумами. С целью гарантирования порядка и мира, государства, подобно индивидуумам, должны отказаться от части своей суверенности, однако не более, чем это необходимо. Поэтому герцог де Сюлли предлагал сенат, обсуждающий все важные проблемы и решающий их. Однако Бенгам и Милль не видели нужды в институтах, ограничивающих и лимитирующих государства, указывая лишь на необходимость создания международного суда.

Лютеранская концепция европейской интеграции базируется на самодостаточности государства, являющегося

⁷ Концепция Тейи Гииликайнен не предусматривает безусловного детерминизма в подходе к проблемам интеграции. Ее теория опирается лишь на вычленение одного из факторов, способных сильно влиять на формирование способа восприятия действительности. В случае определенных государств существует дополнительная возможность наложения других, более сильных элементов, ослабляющих действие трех религиозно-исторических традиций. Возможна также ситуация влияния одних традиций на другие в случае некоторых стран и в результате их значительной модификации в отношении восприятия европейской интеграции.

бытием окончательным. Данное государствоцентрическое представление отрицало федералистские идеи, указывая на международные отношения как на состояние анархии, где отдельные государства борются за господство над другими. Порядок обеспечить может лишь равновесие сил, основанное на территориальном измерении государства. Это нашло свое проявление в концепции *Machtpolitik*, гласящей, что государство должно опираться на собственную силу и интересы. Результатом послевоенных изменений стал реализм и концепция интеграции как кооперации, которая не должна менять существующего положения вещей.

Историческое развитие трех политических культур в Европе находит также свое выражение в послевоенных концепциях интеграции, которые своими значимыми частями легли в основу процесса объединения континента.

Теоретическое рассмотрение способов интеграции Европы позволяет указать три главных течения: **федералистское**, **функционалистское** и **конфедералистское**. Первое усматривало способ интеграции в образцах стран, имеющих федеративную структуру. Функционалисты же отказывались от ответа на вопрос о правовой и институциональной форме окончательного образования, а делали упор на практические элементы интеграции, прежде всего на функционирование экономического сотрудничества. Сущностью, таким образом, являлась проблема, потребность и функция, а не идеология или догма. Третье направление указывало на значительную самостоятельность интегрирующихся субъектов и лишь возможность их свободного сотрудничества.

По мнению Антони Маршаллека, **федералистский** подход представляли главным образом мыслители, создававшие идеологические основы интеграции, такие, как Куденхов-Калерги, Бругманс, Спинелли. Их отличали идеализм и абстрактность. Их идеи доминировали главным образом в период послевоенной интеграционной мысли и были представлены такими организациями, как Европейское движение, Европейский союз федералистов или Европейский конгресс,

который состоялся в Гааге в 1948 г. Эксперты и политики, которые конструировали конкретные решения и проекты, оказывались чаще всего **функционалистами**. К ним принадлежали, в частности, более реалистичные и склонные к компромиссу Монне и Шуман. Они считали, что строительство общего европейского организма должно происходить не путем создания сверху институциональных связей, а путем *умножения реальных связей – прежде всего экономических – между государствами, что приведет к такой далеко продвинутой взаимозависимости, что войны и разные другие межгосударственные конфликты будут невозможны, так как перестанет существовать материальная база для их возникновения*. Такие же политики, как Ш. де Голль, воплощавший эту идею в жизнь, представляли **конфедералистский** подход и одновременно отличались высоким реализмом и эффективностью⁸.

Одной из послевоенных реминисценций **кальвинистской** политической культуры была функционалистская теория политической интеграции. Ее главный представитель Дэвид Митрани, который усматривал причину разобщенности современного мира в борьбе национальных государств, предлагал создание соответствующей международной структуры как противоядия. Кроме противоречий между национальными государствами, он отрицал также федерализм. По его мнению, суверенность можно передать лишь посредством фактических, а не только формально-правовых действий.

Одной из современных теорий интеграции, происходящих из традиций **государствоцентрической** политической культуры, является коммуникационная теория политической интеграции Карла Дойча. В этой концепции важнейшее место занимает государство как основной субъект международных отношений. Интеграция же состоит в достижении высокой степени сотрудничества в политической, экономической, социальной, культурной и правовой областях. Результатом этого является возникновение сообщества суверенных госу-

⁸ A. Marszałek, *Z historii europejskiej idei integracji międzynarodowej*, Łódź 1996, s. 143, 147, 157.

дарств. Процесс интеграции происходит на нескольких уровнях. На международно-дипломатическом уровне совершается процесс взаимодополнения государств. Интеграция, таким образом, не противоречит существованию национального государства. На социальном уровне существует требование связи между обществами, имеющее социальный, экономический и культурный характер, ведущий к интеграции. Возможность обмена информацией имеет ключевой характер. Чем она сильнее, тем более велико сознание пользы, извлекаемой из сотрудничества⁹.

Федералистские концепции исходят из положения о сталкивающихся интересах и социальных конфликтах. Их причиной является гетерогенность, однако нет оснований, делающих возможным предпочтение одних интересов другим. Средством их решения должна была бы стать соответствующая форма власти. Она гарантировала бы институциональные рамки для преодоления человеческого несовершенства. Решением является федерализм, который может быть реализован сверху или снизу. Ибо он гарантирует единство в разнообразии¹⁰.

Дилеммы концепций интеграции сводятся к разным возможностям структурирования властей и их компетенции. Первым уровнем несогласия является масштаб суверенности, необходимый для передачи. За централизованную модель выступают в большинстве страны с католическими корнями, в меньшей степени те, которые имеют лютеранские корни. Большинство государств, принадлежащих исторически к кальвинистской культуре, выступают против данной модели. Первые обычно являются сторонниками европейской надгосударственной власти, сильного корпуса представителей и европейского гражданства. Вторые и третьи выступают за децентрализованную модель с властью, имеющей межправительственный, а не наднациональный характер. Ее

⁹ S. Konopacki, *Komunikacyjna teoria integracji politycznej Karla Deutscha* // *Studia Europejskie*, nr 1/1998, s. 37-41.

¹⁰ S. Konopacki, *Integracja Europy w dobie postmodernizmu*, Poznań 1998, s. 39-40.

целью должно было бы стать регулирование свободы между государствами и обществами. По-разному подходят культуры также к сущности власти. Индивидуалистические культуры, т. е. католическая и кальвинистская, предпочитают конституциональные решения, содержащие гарантии прав и свобод¹¹.

3. Культуры сопротивления и приспособления – теоретический и эмпирический анализ

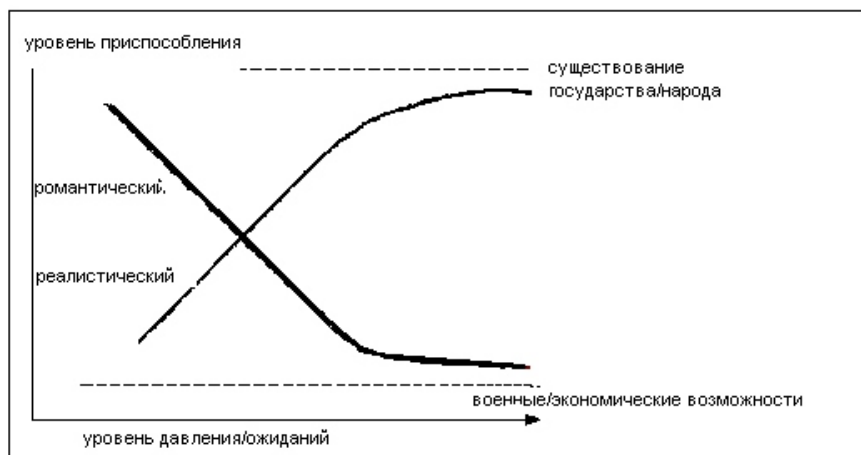
Элементом политических культур в процессе объединения Европы являются также исторически сформированные комплексы поведения на международной арене. Исследования, проводимые над разновидностями поведения, привели к конструированию моделей поведения, согласно которым государства реагируют на вызовы, создаваемые контактами с другими участниками международных отношений. Этими вызовами являются давление, оказываемое другими актерами с целью склонить данное государство к определенному поведению, или ожидания, выдвигаемые в отношении его. Реакция на давление/ожидание может приобретать в случае отдельных государств спектр действий, находящихся между двумя крайними ценностями: приспособлением и сопротивлением. Среди западных соседей России данные позиции представлены соответственно Финляндией и Польшей. Анализ исторического материала позволяет утверждать, что уровень приспособления обратно пропорционален уровню давления/ожиданий в случае Польши и прямо пропорционален в случае Финляндии (схема 1). Вместе с ростом ценности уровня давления/ожиданий уровень приспособления растет (Финляндия) или падает (Польша). Эта зависимость, однако, не имеет линейного характера. Темп возрастания или утраты ценности изменяется вместе с приближением к границам. Границы же определены сохранением народа/государства в случае Финляндии, что является результатом государство-центрической политической культуры, а также военными и

¹¹ См.: T. Tiilikainen, *Europe and Finland. Defining...*, s. 81-111.

экономическими возможностями в случае Польши, что является результатом традиции чести и традиции сопротивления как детерминантов свободы во внешнем аспекте. Свобода же является одним из элементов политической культуры. Эти два типа поведения можно определить как поведение *реалистическое* и поведение *романтическое*.

Схема 1.

Модель европейских образцов поведения перед лицом внешнего давления

Источник: собственная разработка

Схематический поляк перед лицом могучей силы (...) развивает против нее усиленную активность. Независимо от того, чужая ли это власть, действия отечественной полиции или логика экономической системы, неизбежный стимул вызывает неизбежную реакцию¹². Формы внешнего давления противоречили чувству независимости и славного прошлого, поэтому вели к сопротивлению. Отсутствие же учета реалий создавало исторически замкнутый круг: сопротивление, его подавление, усиление гнета. Результатом этого во времена разделов были периодические восстания и бунты, дополнительно усиливающие пафос вооруженной борьбы и героизма – национальной мартирологии. Поляки существуют благодаря страданию и для страдания, а большинство ежедневных, профессиональных, по-

¹² K. Wojciechowski, *Moi kochani Niemcy*, Gdańsk 2000, s. 77.

литических и интеллектуальных выборов существенным образом выражают отношение к факту страдания¹³. Исторически единственным ограничением борьбы сопротивления были возможности. Во времена разделов ими были возможности генеративного восстановления поколения молодых мужчин, убитых в следовавших друг за другом восстаниях. Позднее поляки жили идеями борьбы за *вашу и нашу свободу* и борьбы до конца в сентябрьской кампании 1939 г., а также бескомпромиссной позиции в отношении к немецкому оккупанту¹⁴. Послевоенной реминисценцией этих позиций были нескончаемые бунты антикоммунистической оппозиции. В случае Финляндии исторический опыт вызвал способность выдерживать очередные волны давления и насилия. Это было следствием как убеждения в выгодности такой позиции по причине отсутствия державных традиций, так и реалистической позиции. Русификационная деятельность в XIX веке периодически сталкивалась с сопротивлением, основанном на насилии. Подобным образом после второй мировой войны покорное согласие на зависимость, в соответствии с доктриной *финляндизации*, не подвергалось в обществе радикальному отрицанию. Политический реализм склонял к уступкам. Их пределом была угроза существованию государства или народа. Лишь эта форма давления склоняла финнов к действительному сопротивлению и вооруженным акциям. Усиление гнета на рубеже XIX и XX вв. воспринималось как такого рода воздействие. Результатом была радикализация и убийство генерала Бобрикова. Подобным же образом выглядела проблема сопротивления попыткам преобразования Финляндии в советскую республику, прелюдией чего должна была стать Зимняя война. Ибо создание русскими коммуни-

¹³ *Ibidem*, s. 94.

¹⁴ Следует, однако, помнить о том, что бескомпромиссная позиция периода II мировой войны следовала также из нежелания Германии создавать польские коллаборационистские структуры. Второй причиной было отсутствие инициативы со стороны польских кругов, за исключением т. н. «меморандума восьми». См.: M. Rapacki, *Tajemniczy pułkownik K.* // *Gazeta Wyborcza*, 19 sierpień 2003. Цит. по: *Zeszyty Historyczne*, nr 142, 144.

стического марионеточного правительства Отто Куссинена¹⁵ угрожало государственному суверенитету. В 1940 г. финны согласились на проведение мирных переговоров и уступки не только по причине исчерпания военных запасов¹⁶. Главной причиной было желание сохранить независимость и государственность ценой отказа от Карелии¹⁷. Таким образом, это была борьба за самосохранение, а не за территорию. Однако гарантия внутреннего суверенитета привела к отсутствию внутренних радикальных действий и сопротивления после 1945 г.

4. Приспособление и сопротивление и европейская интеграция

Представленная модель находит свое отражение в вариантах поведения, связанных с европейской интеграцией и описанных в дальнейшей части статьи. Это касается, в частности, мотивов интеграции, переговоров о вступлении в Евросоюз, а также подхода к институциональной реформе и углубления европейского сотрудничества. Здесь финское согласие на ограничение роли малых государств контрастирует с польским *Ницца или смерть*. Государствоцентрическая политическая культура подвергается модификации благодаря позиции рационального приспособления. Благодаря ей по-прежнему достигаются цели, служащие суверенитету – государству и народу, но с помощью других средств. Польская позиция вытекает непосредственно из романтической культуры сопротивления, и ее изменение возможно при исчерпании возможностей борьбы за свое положение – ограничении финансовых средств, которые должны поступить из Сообществ в Польшу.

¹⁵ S. Hentilä, *Od uzyskania niepodległości do zakończenia wojny kontynuacyjnej* // O. Jussila, S. Hentilä, J. Nevakivi (red.), *Historia polityczna Finlandii 1809-1999*, Kraków 2001, s. 200.

¹⁶ R.M. Berry, *The Ideology and Politics of Midwifery in American – Finnish Relations 1943-45* // T. M. Ruddy (ed.) *Charting an Independent Course. Finland's Place in the Cold War and in U.S. Foreign Policy*, Claremont 1998, p. 65-75.

¹⁷ B. Piotrowski, *Niemcy i kraje skandynawskie a wojna radziecko-fińska (zimowa) 1939-1940* // S. Sierpowski (red.), *Niemcy w polityce międzynarodowej 1919-1939*, tom IV: *Na przełomie pokoju i wojny 1939-1941*, Poznań 1992, s. 318, 331.

В случае Финляндии понятие суверенитета долгое время воспринималось традиционно, также в первый период финского вступления в Сообщества. Следует помнить, что европейская интеграция из финской перспективы не была мирным проектом. Ее оценивали скорее с реалистической точки зрения, видя в ней элемент холодной войны между противоположными идеологическими блоками, связанный с экономическим сотрудничеством. Для Финляндии участие в такого рода предприятии было, таким образом, невозможно по двум причинам. Во-первых, это нарушало бы финский нейтралитет. Во-вторых, существование наднациональной власти вошло бы в противоречие с финской государственноцентрической традицией и, таким образом, представляло бы собой угрозу внешнему суверенитету и свободе действий, которые являются основаниями государственного суверенитета¹⁸.

Следует признать, что финское участие в процессе европейской интеграции было проблематично, по причине наличия традиции политической культуры. Ибо она угрожала нейтралитету, который был вынужден, но одновременно являлся выражением политического реализма. Она угрожала также государственности, модифицируя традиционно понимаемую концепцию государства и народа.

В условиях членства выражением государственноцентрического понимания интеграции Финляндией была кастомизация, т. е. попытка приспособления и модификации Евросоюза в соответствии с собственными потребностями. Ее формой была инициатива Северного измерения ЕС. Выдвинутая Финляндией с помощью и при поддержке других северных членов Сообщества, она часто оценивается как попытка обеспечения собственных интересов и даже подчинения им деятельности всего Евросоюза, с использованием его инструментов, финансовых и внефинансовых средств, престижа и международной позиции.

Для возможности вступления в Сообщества необходимым стало переопределение идентитета и политической культуры. Во время холодной войны условием самосохранения и сохранения суверенитета был нейтралитет как гарант безопасности. Такой

¹⁸ Т. Tiilikainen, *op.cit.*, p. 158.

подход характеризовался большим реализмом во внешних и внутренних отношениях. Изменения 1989 г. привели, с одной стороны, к утрате прежних точек опоры, но с другой – политические элиты боялись изменений прежних принципов поведения. Со временем, однако, произошло их ограничение к неучастию в военных союзах, расчету на собственную оборону и к изменению отношений с Советским Союзом. Реалистический нейтралитет сменился опасениями по поводу новых разделов континента. Перемена в сторону благосклонности элит по отношению к интеграции была выражением нового реализма. В финской политической культуре, таким образом, не произошло внезапное и полное изменение. Стержень внешней идентичности остался тот же, ее лишь приспособили к новой ситуации. Конец биполярного расклада сил означал, что Европейский Союз не является уже его частью, а акцессия означает реунификацию континента. Это же может быть поддержано Финляндией. Однако государство по-прежнему осталось ключевым понятием в нестабильном международном порядке, определяемым силой. Членство в Сообществе должно было обеспечить интересы государства и служить лишь этой цели. В особенности интересы безопасности (опирающиеся на близкие экономические связи с Западной Европой, а не на военные союзы), которое в рамках ЕС в настоящее время является более надежным, чем в ситуации пребывания вне его¹⁹. Особенно со времени путча Янаева. Прежний определитель реализма – Россия – в начале девяностых годов стала в глазах финнов нестабильной и непредсказуемой.

Дальнейшее членство в ЕС может, однако, повлиять на изменение финской политической культуры. Тесно связанная ранее с гегельянско-фенноманской политической традицией, она считала государство главным политическим актером. Внутреннее единство обязательно требуется, поскольку государство *действует во имя общего и всеобщего блага*²⁰. Изменения в политической культуре, вызванные европейской интеграцией,

¹⁹ *Ibidem*, p. 162.

²⁰ K. Pekonen, *Charisma in Finnish Psycho-Cultural Context. Populist Tradition Desire for a Strong Leader Versus modernist Anti-Authoritarian Charisma* // J. Matthies, K. Palonena (ed.), *Max Weber: City, Politics, History, Contributions from a Symposium at the University of Jyväskylä 19 and 20 February 1992*, Jyväskylä 1995, p. 76.

могут помочь в переопределении этой традиции. Членство в ЕС уже положило начало постепенной модификации финской политической культуры. Сотрудничество и общие ценности могут на долгий период заменить безопасность и реализм. Элемент этих перемен – уже проявляющаяся в настоящее время концентрация на миротворческой деятельности и арбитраже²¹. Переход от традиции к современности может превратить символический аспект из *периферии* в *центр*, а также из *национального* в *интернациональный*²². Если ЕС будет становиться организмом, все более похожим на государство, составные части также должны попытаться достичь внутреннего единства и действовать во имя общих интересов.

Развитие и сила концепции народа вместе с интегральными религиозными элементами были носителями идеи суверенности в случае Польши. Однако она формировалась в противовес русскому национализму, а затем советскому интернационализму. Она концентрировалась на религиозном и культурном родстве с государствами Западной Европы, во что значительный вклад внесла интеграционная доктрина, представляемая Ватиканом²³. Демократические стремления укрепляли эту связь и создавали естественную точку отсчета для будущего сотрудничества. Европейская интеграция, таким образом, не нарушала ни нейтралитета, ни государствоцентризма, а исполняла постулат союза и христианской

²¹ T. Tiilikainen, *op.cit.*, p. 166.

²² K. Pekonen, *op.cit.*, p. 76, 77.

²³ Важную роль в ее формировании сыграл факт принадлежности папы к польской национальности. Уже в 1988 г. Иоанн Павел II во время выступления в Европейском парламенте очерчивал перспективу расширения Сообществ на Восток: *К представленным здесь сегодня народам в будущем смогут несомненно присоединиться также другие. Как высший пастырь всеобщей церкви, который имеет восточноевропейское происхождение и знает желания славянских народов, этого второго «легкого» нашей общей европейской родины, я хотел бы, чтобы суверенная и обладающая свободными институтами Европа расширилась когда-нибудь вплоть до границ, которые определила ей география, а еще больше история. Как же бы я мог этого не хотеть, если вдохновленная верой христианская культура наложила такой глубокий отпечаток на историю всех народов нашей Европы, народов греческих и латинских, германских и славянских, несмотря на все исторические трагедии, высоко над социальными системами и идеологиями?* Цит. по: В. Trzeciak, M. Przciszewski, *Europa w wizji i działaniach kościoła* // Polska w Europie, nr 4/2002, s. 14.

общности. Она также была выражением романтизма, красной нитью проходившего через антивосточные союзы и антивосточную политику. Чем больше усиливалось давление со стороны восточного соседа, тем более поляки стремились противостоять ему, тоскливо взирая в сторону западного мира. В процессе же интеграции был проблематичным отказ от элементов едва лишь приобретенного суверенитета в соединении с чувством экономической и культурной угрозы (секуляризация). Подобный процесс сопротивления ожиданиям наблюдается одновременно в отношении Европейского Союза: исходя из контрреформационной политической культуры Польши, он принимается как элемент двойной лояльности. Процесс приспособления к европейским стандартам и поведения, соответствующего элементам европейских ценностей, возбуждает все большее сопротивление в польском обществе и элитах, что представляет собой процесс, отличный от случая Финляндии. После вызванного контрреформационной политической культурой энтузиазма, связанного со вступлением в ЕС, появляется замеченный центрами изучения общественного мнения евроскептицизм. Это плод культуры сопротивления. В то же время, появляются элементы политического реализма – способность к компромиссам во имя экономического развития и безопасности.

Заключение

Представленный анализ показывает отличия в восприятии интеграционных процессов. Они возникают не по причине различий интересов и стратегий, но из систем ценностей, выработанных в ходе исторического развития народов и привитых в процессах социализации. Это именно они в наибольшей степени детерминируют поведение в политических процессах, в том числе в европейской интеграции. Примеры Финляндии и Польши показывают две различные политические культуры, происходящие из государствоцентрической и контрреформационной традиций. Они представляют собой также различные модели реакции на давление, проявляющиеся в преимущественном приспособлении или сопротивлении.

Представленные модели вместе с эмпирической аргументацией являются основанием для осторожного отношения к обобщениям, касающимся интеграционного поведения западных соседей России. Ибо каждое из этих государств характеризуется собственным поведением в интеграционных процессах, вытекающим из государственно-религиозных традиций, а также способом реагирования на внешние стимулы, который является результатом исторического опыта.